

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Бугров Д.Г.</i> Комплекс находок из разрушенного раннесредневекового погребения на севере Татарстана	7
<i>Казаков Е.П., Салугина Н.П.</i> Полянское III селище (к проблеме освоения Закамья населением именьковской культуры)	35
<i>Колода В.В.</i> Контакты славянского мира и хазарского каганата на Северском Донце: этнокультурный аспект	54
<i>Флёров В.С., Флёрова В.Е.</i> Знаки на кирпичах Семикаракорской крепости	92
<i>Губайдуллин А.М., Мухамадиев А.Г.</i> О фортификации городищ западного Поволжья	116
<i>Бадеев Д.Ю., Валиев Р.Р.</i> Планировка золотоордынского Болгара: история и перспективы исследования	127
<i>Жолобов А.И., Кирыгин К.В., Газимзянов И.Р.</i> Медико-криминалистические исследования повреждений на черепках из раскопок Болгарского городища	137
<i>Кубанкин Д.А.</i> Изучение археологических объектов на территории Увекского городища в 2014 г. (предварительное сообщение)	150
<i>Бочаров С.Г.</i> Заметки путешественников XIV–XV веков о городе Каффа	172
<i>Бочаров С.Г., Масловский А.</i> Наиболее массовые типы поливных импортов крымского производства и некоторые вопросы торговли в Восточной Европе в XIV в.	189

Дискуссии

<i>Иванов В.А.</i> Угры Предуралья: продолжение темы	201
<i>Измайлов И.Л.</i> Вопрос об археологическом определении этноса: продолжение темы	220
<i>Напольских В.В.</i> К методологии палеоисторических реконструкций	235
<i>Руденко К.А., Казаков Е.П.</i> К вопросу о роли кочевников в развитии материальной культуры Волжской Булгарии и болгарского улуса Золотой Орды	266

Заметки

<i>Кузьминых С.В., Виноградов Н.Б.</i> Бронзовая секира из Златоустовского музея.....	274
<i>Адамов А.А.</i> Археологические исследования на Кучумовом городище (Искере) в 2014 году	291
<i>Беляев А.А., Нуретдинова А.Р.</i> Сфероконические сосуды раскопа CLXV Болгарского городища	301
<i>Кочкина А.Ф., Левыкина Т.А.</i> Погребальные калиги из Малорязанского могильника золотоордынского времени на Самарской Луке: проблемы реставрации и атрибуции	311

Хроника

<i>Валиулина С.И., Кочкина А.Ф., Хузин Ф.Ш.</i> Поиски и открытия Е.А. Халиковой в археологии Волго-Камья (к 85-летию со дня рождения)	324
<i>Бугров Д.Г., Галимова М.Ш.</i> 50-летие А.А. Чижевского	333
<i>Гарустович Г.Н., Горбунов В.С., Злыгостев В.А., Иванов В.А., Морозов Ю.А., Обыденнова Г.Т., Обыденнов М.Ф., Пшеничнюк А.Х.</i> Памяти Н.А. Мажитова (1933-2015).....	338
<i>Кочкина А.Ф.</i> Памяти Е.А. Беговатова (1937–2015)	341
Список сокращений	346
Правила для авторов	348
Авторский указатель	354

CONTENTS

Articles

<i>Bugrov D.G.</i> Complex of finds from a destroyed early medieval burial in the north of Tatarstan	7
<i>Kazakov E.P., Salugina N.P.</i> Polyanskoe III settlement (on the issue of exploration of the lands across the Kama River by the imenkovo population)	35
<i>Koloda V.V.</i> Relationships between the Slavic world and the Khazar Kaganate on the Seversky Donets river: an ethnocultural aspect	54
<i>Flyorov V.S., Flyorova V.E.</i> Signs on bricks of the Semikarakorsk fortress	92
<i>Gubaidullin A.M., Mukhamadiev A.G.</i> On fortification of ancient settlements of the western Volga region	116
<i>Badeev D.Yu., Valiev R.R.</i> Plan of the Golden Horde Bolgar town: history and perspectives of research	127
<i>Zholobov A.I., Kiryagin K.V., Gazimzyanov I.R.</i> Medical-forensic research of injuries on the skulls discovered during archaeological excavations on Bolgar fortified settlement	137
<i>Kubankin D.A.</i> Examining archaeological objects on the territory of the Uvek fortified settlement in 2014 (preliminary report)	150
<i>Bocharov S.G.</i> Travelers' notes (14 th –15 th centuries) about the town of Caffa	172
<i>Bocharov S.G., Maslovskiy A.N.</i> The most widespread glazed imports of Crimean production and some issues relating to East European trade in the 14th century	189

Discussions

<i>Ivanov V.A.</i> Ugric peoples in the Cis-Ural region: continued	201
<i>Izmaylov I.L.</i> On archaeological definition of ethnic group: continued	220
<i>Napolskikh V.V.</i> On the methodology of palaeohistorical reconstructions	235
<i>Rudenko K.A., Kazakov E.P.</i> On the role of the nomads in development of material culture of the Volga Bulgaria and the bulgarian ulus of the Golden Horde	266

Notes

<i>Kuzminykh S.V., Vinogradov N.B.</i> Bronze poleaxe from Zlatoust museum	274
<i>Adamov A.A.</i> Archaeological research at Kuchumovo hillfort (Isker) in 2014	291

<i>Nuretdinova A.R., Belyaev A.V.</i> Sphero-conical vessels from dig CLXV at Bolgar fortified settlement	301
<i>Kochkina A.F., Levykina T.A.</i> Funerary kaliga from Malaya Ryazan burial ground of the Golden Horde time on the Samarskaya Luka: problems of restoration and attribution	311

Chronicle

<i>Valiulina S.I., Kochkina A.F., Khuzin F.Sh.</i> E.A. Khalikova's Searches and Discoveries in the Volga-Kama Archaeology (on the occasion of her 85th birthday).....	234
<i>Bugrov D.G., Galimova M.Sh.</i> A.A. Chizhevsky's 50th Anniversary	333
<i>Garustovich G.N., Gorbunov V.S., Zlygostev V.A., Ivanov V.A., Morozov Iu.A., Obydenнова G.T., Obydenнов M.F., Pshenichniuk A.Kh.</i> Ad memoriam N.A. Mazhitov (1933–2015).....	338
<i>Kochkina A.F.</i> Ad memoriam E.A. Begovatov (1937–2015)	341
List of abbreviations	346
Submissions	348
Index of the authors	354

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

С 1 декабря 2015 года журнал «Поволжская археология» включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук (см. Перечень, поз. № 1016). Это прекрасный повод, чтобы донести до наших авторов и читателей журнала искренние поздравления и благодарности за сотрудничество с нами.

За относительно небольшой период существования журнала, с 2012 года, на страницах «Поволжской археологии» опубликовано около 300 научных статей, авторами которых являются известные ученые как из региональных (преимущественно поволжско-уральских), так и центральных (Москва, Санкт-Петербург) и зарубежных (Германия, Болгария, Украина, Молдавия, Казахстан, Узбекистан) научных центров. Надеемся, что в будущем авторский контингент журнала еще более расширится, в первую очередь, за счет будущих кандидатов и докторов наук.

Новый статус журнала налагает на нас еще большую ответственность за качество публикаций, основным требованием к которым являются актуальность и новизна материалов. Наш журнал публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, археозоология, нумизматика, эпиграфика и др.), посвященные изучению различных аспектов истории древнего и средневекового населения поволжско-уральского региона и взаимосвязей его с народами соседних регионов.

Прошу уважаемых авторов обратить внимание на некоторые изменения, внесенные в Правила оформления статей.

Желаю всем плодотворного сотрудничества во благо нашей науки!

УДК 069. 4

ПОЛЯНСКОЕ III СЕЛИЩЕ (К ПРОБЛЕМЕ ОСВОЕНИЯ ЗАКАМЬЯ НАСЕЛЕНИЕМ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

© 2015 г. Е.П. Казаков, Н.П. Салугина

В средневековой археологии Восточной Европы заметное место занимают проблемы именьковской культуры, которая занимала широкую территорию от Приуралья до Мордовии. Археологи признают ее пришлый характер. Но по вопросам ее датировки и этнокультурной принадлежности продолжаются дискуссии. Некоторое время преобладало утверждение, что ее появление связано с приходом в рассматриваемый регион с запада славян. В последние десятилетия по именьковской культуре были накоплены новые материалы. Среди них отмечаются богатые некрополи (Коминтерновский II, Измерский IX) и поселения, раскопанные Раннеболгарской экспедицией в Татарстане. Материалы Полянского III селища (Республика Татарстан) позволяют рассматривать этапы освоения Закамья населением в эпоху Тюркских каганатов.

Ключевые слова: археология, история, Волго-Уральский регион, раннее средневековье, именьковская культура, эпоха Тюркских каганатов, сарматы, поселения, могильники.

Полянский комплекс памятников. Расположен в низовьях правобережной части р. Утки при впадении ее в р. Волга. Здесь расположены памятники разных эпох, которые начали изучаться еще в XIX в. Начиная с 60-х годов XX в. активные работы здесь вели казанские археологи под руководством А.Х. Халикова (Археологическая карта, 1986, с. 22–24).

Полянское III селище находится в 600 м к югу от с. Полянки Спасского р-на РТ. В 1977 г. экспедиция под руководством Е.П. Казакова в обнажениях высокого берега р. Волга выявила две ямы и погребения (рис. 1). Стратиграфия по обрыву берега: дерн 10 см, чернозем – до 40–60 см, ниже идет суглинок.

Погребение 1, глубина 130 см (рис. 2). У отмели под погребением, среди обвалившейся земли, найдены обломки трубчатых костей, череп человека, кости коровы, а также об-

ломки черепа и кости четырех ног лошади в возрасте 9–10 лет (определение А.Г. Петренко). Здесь же найдена костяная накладка на лук сложного типа (рис. 3). В обрыве берега слабо прослеживается профиль могильной ямы. При ее вскрытии очертания ямы зафиксированы на глубине 70 см. В заполнении ямы встречено несколько обломков лепной серо-светло-коричневого цвета керамики с примесью минеральных включений, похожих на обожженную глину (рис. 3).

Сохранившаяся часть могилы имела размеры 100 x 60 см и была вытянута по линии восток–запад. На глубине 130 см – дно могилы. Здесь найдены трубчатая кость человека и две косточки молодой лошади. Очевидно, погребение было ограблено еще в древности и впоследствии разрушено рекой. Судя по накладкам на лук, дата погребения не может быть позднее VIII в. Череп человека из этого по-

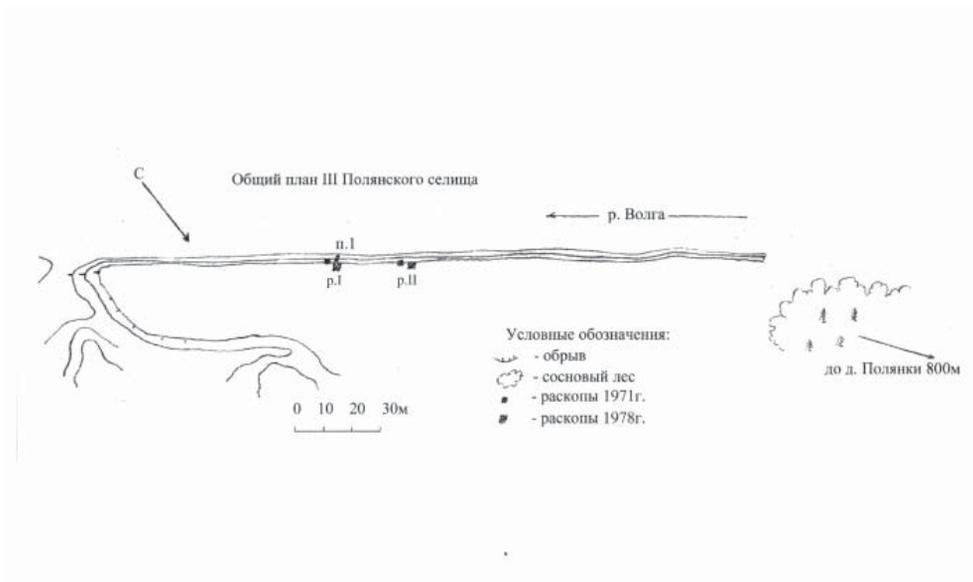

Рис. 1. План расположения Полянского III селища.

Fig. 1. Plan of Polyanskoye III settlement.

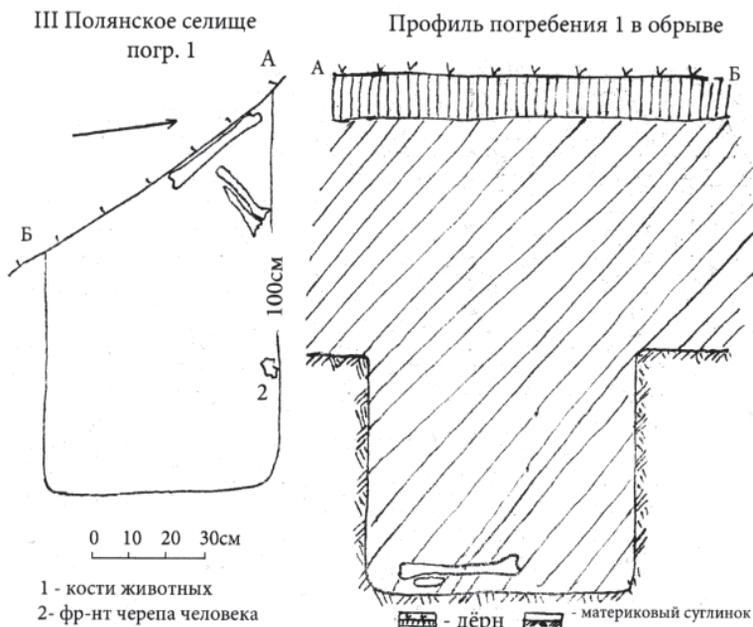

Рис. 2. План и профиль погребения 1 на Полянском III селище.

Fig. 2. Plan and profile of grave 1 on Polyanskoye III settlement.

гребеня имел следы искусственной деформации.

Яма № 1, глубина 120 см (рис. 4), обнаружена по профилю в обрыве берега в 120 см к юго-востоку от погребения. Очертания ямы длиной по обрыву берега 130 см и оставшейся шириной 50 см появились на глубине 60 см в слое, переходном от чернозема к суглинку. Стены ямы отвесные. На глубине 120 см выявлено плоское дно ямы. В черноземном заполнении встречены кости животных и фрагменты керамики по тесту и цвету, аналогичные посуде из заполнения ямы погребения.

Яма № 2, глубина 80 см (рис. 5) Профиль ямы зафиксирован в обрыве берега в 150 см к юго-востоку от погребения 1. Очертание ямы при вскрытии появились на глубине 60 см в слое, переходном от чернозема к глине. Длина ямы вдоль обрыва 240 см, ширина 70 см. Стенки ямы отвесные. На глубине 80 см – плоское дно ямы. В черноземном заполнении ее на глубине 40, 60 и 80 см встречены обломки керамики, аналогичной посуде из засыпи ямы погр. 1, и бусина из светло-синего стекла (рис. 6).

На двух раскопах изучено 54 кв. м. Площадь раскопов разбивалась на квадратные участки со стороной 3 м каждый. Линии участков ориентированы по сторонам света. В направлении юг–север они обозначались заглавными буквами русского алфавита, в направлении запад–восток – арабскими цифрами.

Стратиграфия на всех раскопах одинакова: дерн – 10 см, чернозем – 80 см. Ниже идет материковый суглинок.

По обрыву берега собраны обломки грубой лепной с примесью шамо-

та в тесте керамики и среди них два обломка культовых цилиндрических изделий (рис. 10: 1, 2), часто встречающихся на именковских памятниках. В их тесте примесь обожженной глины и растительности.

Раскоп I (рис. 8) площадью 18 кв. м был заложен на месте вскрытого в 1977 г. захоронения. При зачистке первого и на втором штыке в черноземе обнаружены фрагменты керамики: на участке А/3 – 7 фрагментов, Б/2 – 7; В/3 – несколько мелких обломков, В/2 – 5 фрагментов и на уч. В/1 – 3 фрагмента. Большинство обломков имеют серо-коричневый цвет и примеси шамота. Лишь на уч. Б/2 найдены два фрагмента с песком в тесте, украшенные резным и гребенчатым орнаментом, очевидно, относящиеся к эпохе бронзы.

Раскоп II (рис. 9; 10: 1 – 3, 9) площадью 36 кв. м был заложен в юго-восточной части памятника, там, где в обрыве берега на протяжении 4 м прослеживался котлован полуземляночного жилища глубиной 80 см.

На первом и втором штыках встречены обломки грубой лепной именковской керамики. На уч. А/1 – 10, на уч. Б/1 – 12 фрагментов такой керамики найдено в слое. При этом у северной стенки уч. Б/2 на глубине 30 см расчищен развал сосуда (рис. 10: 9). На глубине 40–50 см у южной стенки уч. Б/1 найдены одно целое (рис. 10: 2), одно обломанное напрясло и железный нож (рис. 10: 1). В северо-западном углу участка А на глубине 50 см расчищен развал сосуда (рис. 10: 3).

На глубине 60–70 см появились прослеживаемые в обрыве берега очертания жилища (рис. 9). Сохранившаяся часть его имела подпрямо-

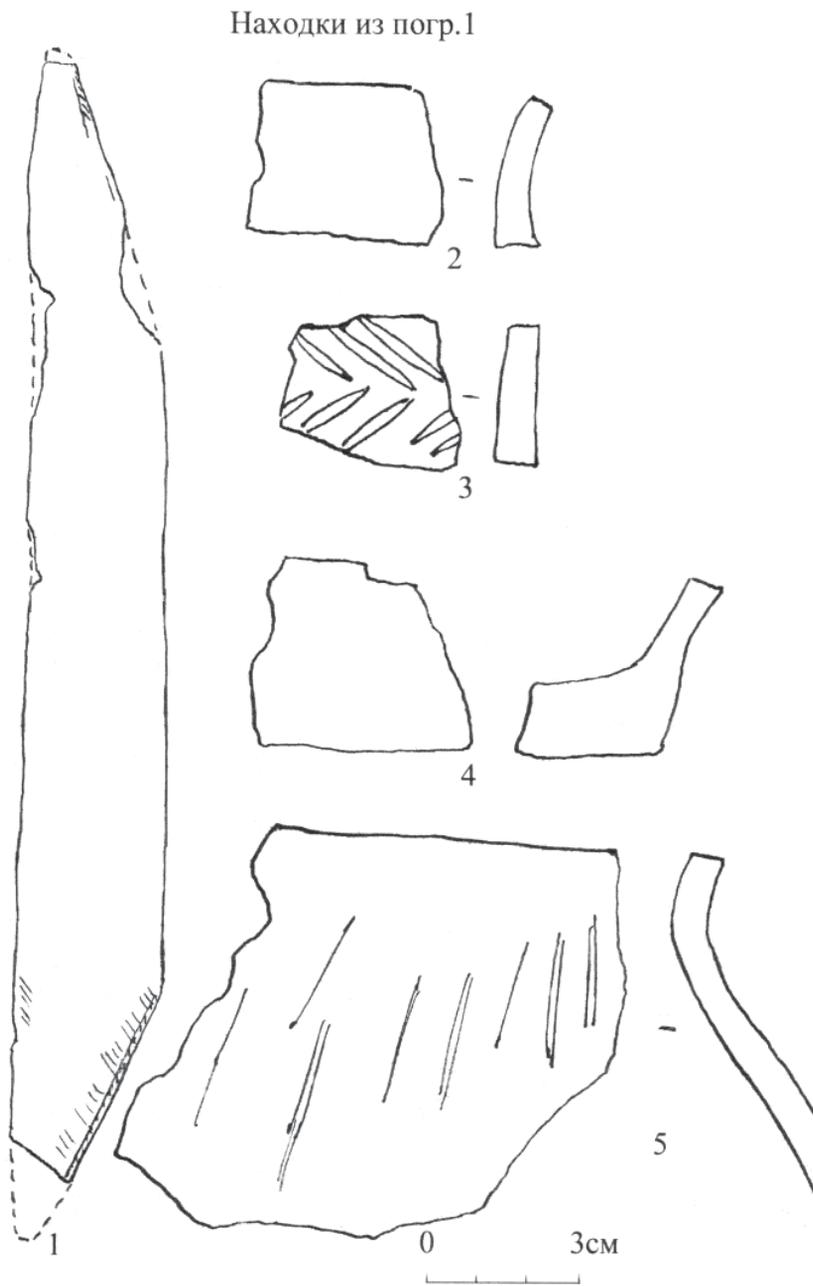

Рис. 3. Находки из погребения 1. 1 – кость, 2–5 – керамика.

Fig. 3. Finds from grave 1. 1 – bone, 2–5 – ceramics.

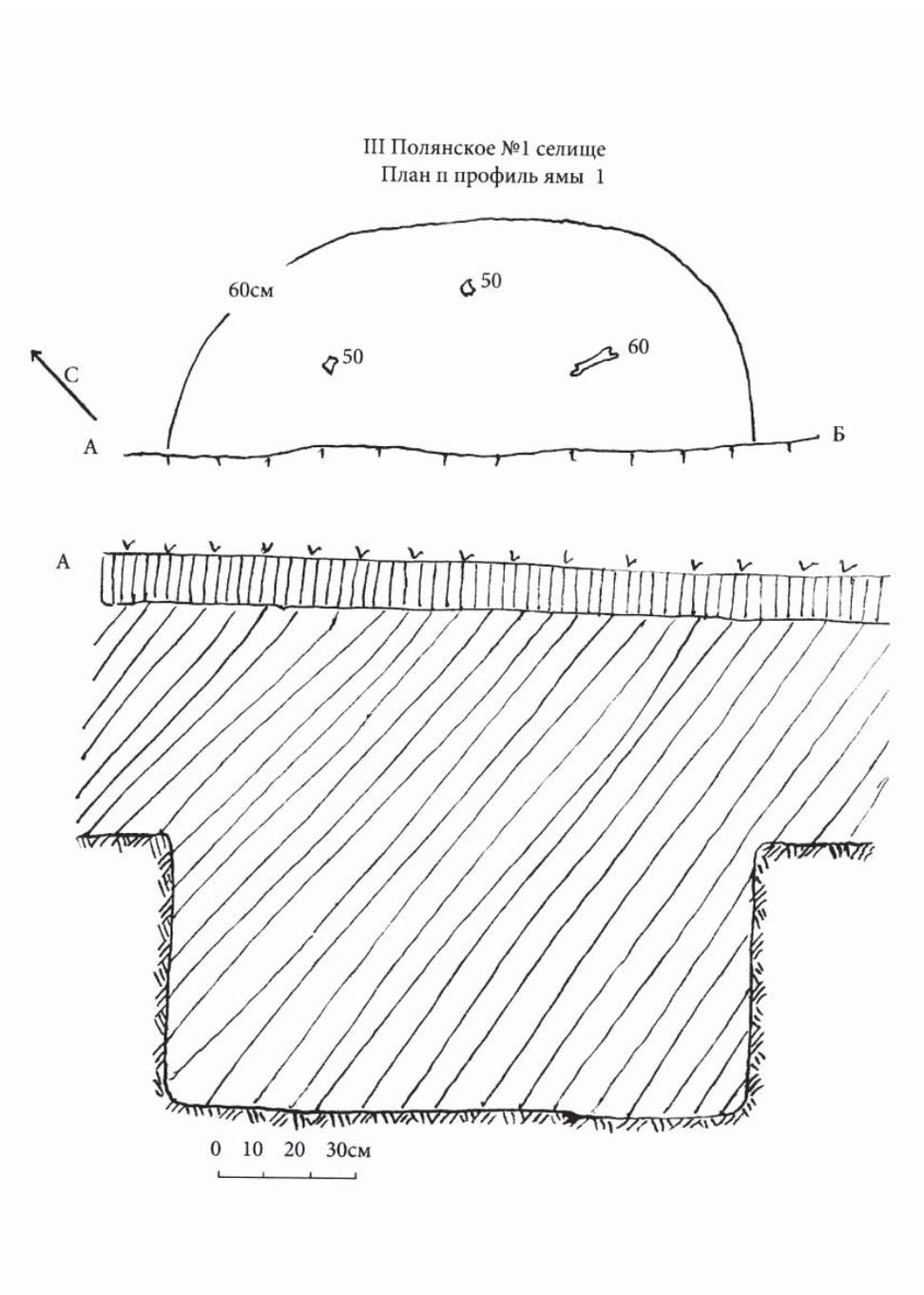

Рис. 4. План ямы 1 Полянского III селища.
Fig. 4. Plan of pit 1 of Polyanskoe III settlement.

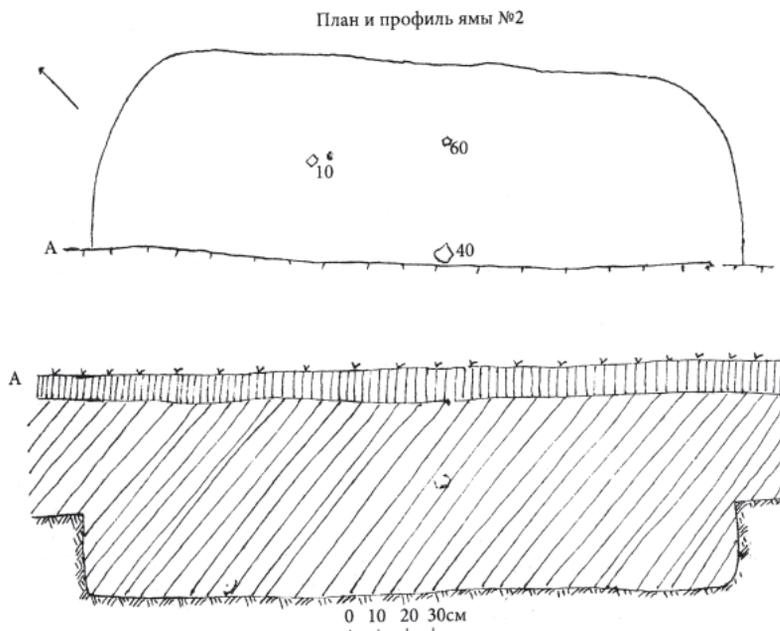

Рис. 5. План ямы 2 Полянского III селища.
Fig. 5. Plan of pit 2 of Polyanksoe III settlement.

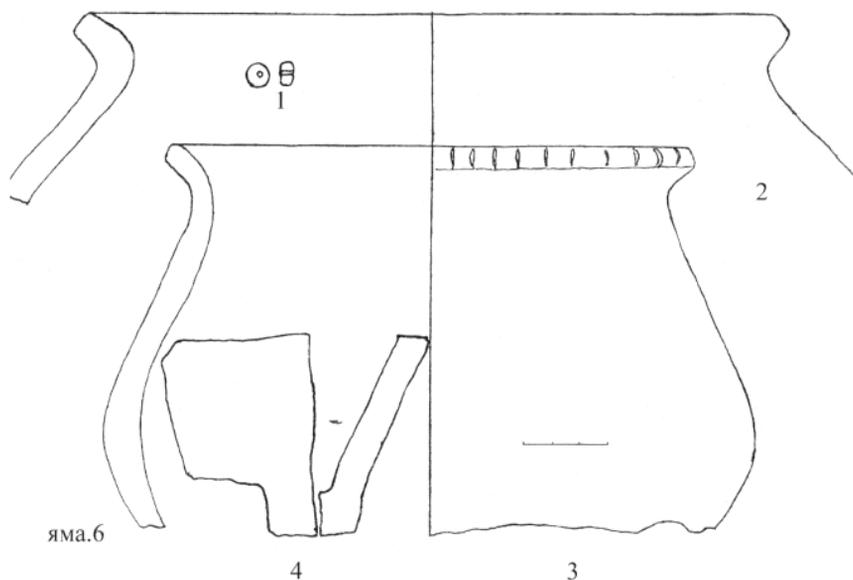

Рис. 6. Находки из ямы погребения 2 III Полянского селища.
 1 – стекло, 2–4 – керамика.
Fig. 6. Finds from the pit of grave 2 from Polyanskoe III settlement.
 1 – glass, 2–4 – ceramics.

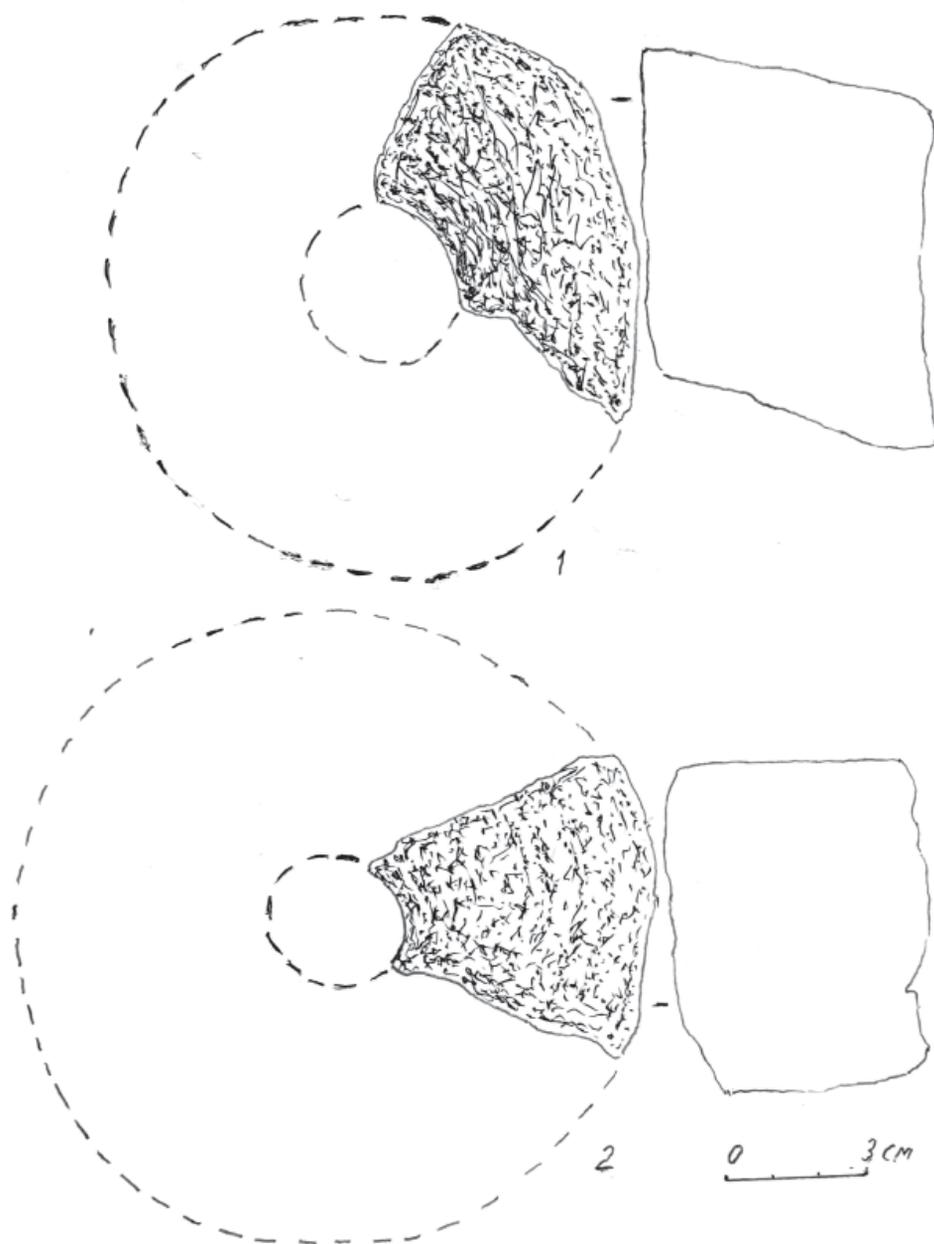

Рис. 7. Культовые изделия из III Полянского селища. Подъемный материал.
Fig. 7. Ritual items from Polyanskoe III settlement. Stray finds.

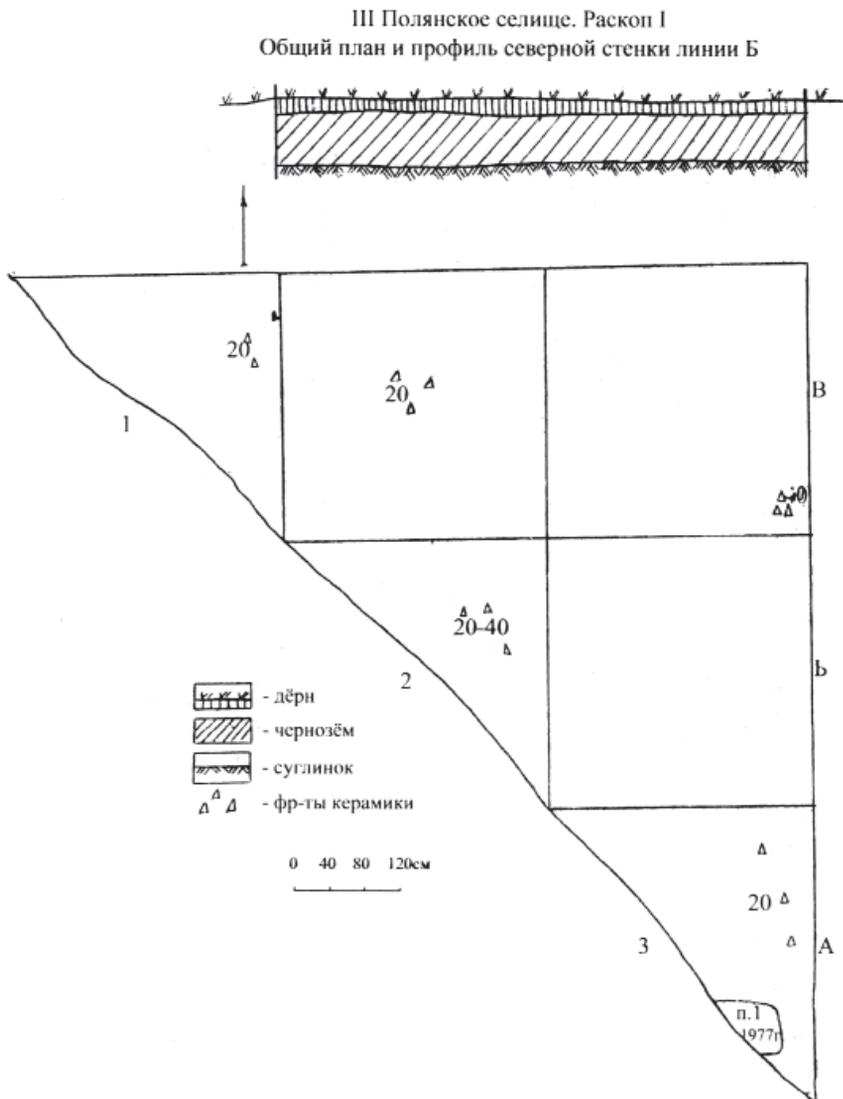

Рис. 8. План раскопа I на Полянском III селище.
Fig. 8. Plan of dig I on Polyanskoye III settlement.

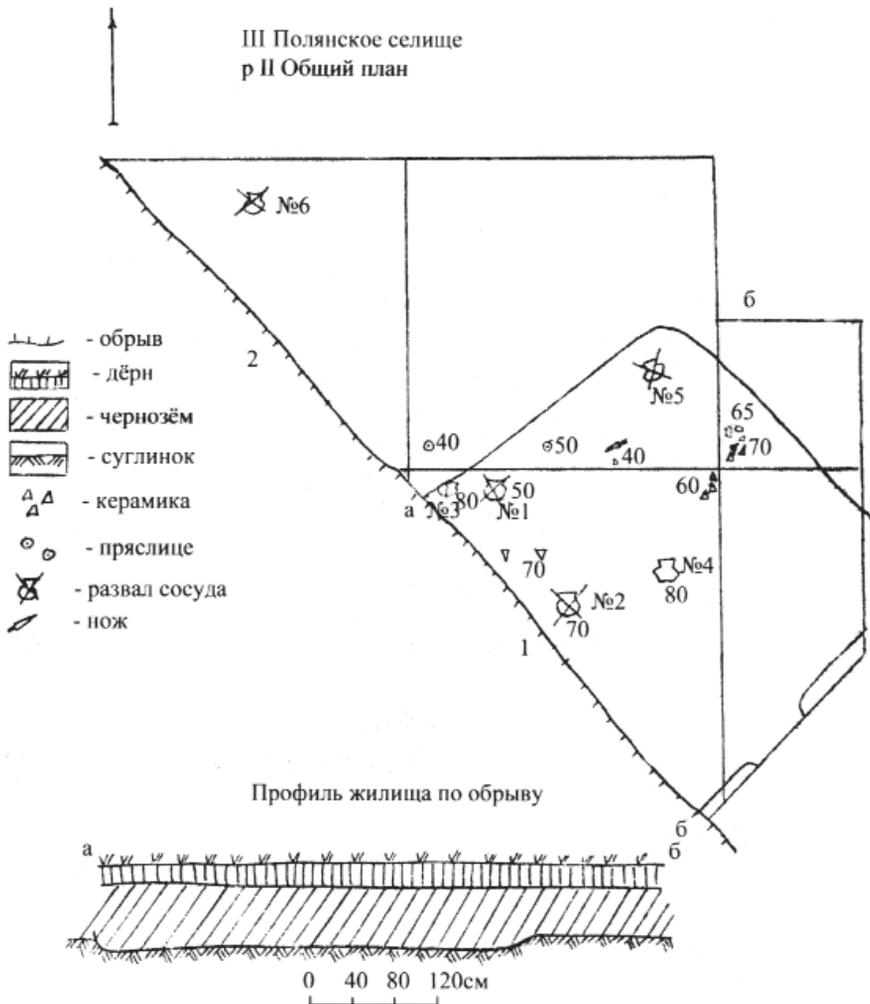

Рис. 9. План раскопа II на Полянском III селище.
Fig. 9. Plan of dig II on Polyanskoe III settlement.

угольную форму размером 3,8 x 2,8 м, вытянутую по линии северо-запад – юго-восток. Стенки котлована отвесные. Заполнение его черноземное. В юго-восточной стенке имеется черноземный выступ. Вход шириной в 60 см по обеим ее сторонам с внутренней стороны обвалован из плотного чернозема шириной в 3–5 см. Вероятно, здесь был тамбур. В западной половине сохранившейся части жилища найдены отдельные фрагменты и ряд развалов сосудов (рис. 9).

Яма № 1 (рис. 10: 5–8; 11) зафиксирована в обнажении берега. Половина ее обрушилась в реку. Ширина в профиле 70 см, глубина 160 см. Оставшаяся часть ямы, видимо, округлой в плане формы стала проследиваться на глубине 70 см. На глубине 60–80 см встречено 9 мелких фрагментов стенок сосудов, 2 обломка днища, 1 венчик (рис. 10: 6). На глубине 80–120 см найдено 8 мелких обломков стенок и 1 венчик. На глубине 140 см яма расширялась во все стороны на 20 см. На глубине 140–160 см у плоского дна отмечены вкрапления золы, угля, известняковых камней, 6 обломков стенок, 3 обломка днищ и 2 обломка шеек сосудов (рис. 10: 7, 8).

Материалы Полянского III селища несомненно указывают на принадлежность его к именьковским древностям. Длительное время большинство исследователей связывало их со славянами, но, как показывают новые материалы, особенно полученные при работе Раннеболгарской экспедиции, аналогии им, прежде всего, имеются в турбаслинско-именьковском круге сарматского мира (Казаков, 1995, с. 39–42). С древности сарматские племена с их подвижным образом жизни привлекали богатейшие по

природным ресурсам земли Закамья, которые использовались в летний период для выпасов стад домашних животных.

В эпоху средневековья движение сармат к северу, в основном до р. Камы, происходило в несколько этапов и было связано с изменениями военно-политической обстановки на обширных пространствах Евразии. В гуннскую и постгуннскую эпоху (конец IV–V вв. н.э.) отмечены памятники, оставленные сдвинувшими на север сарматами. Один из них расположен всего в 20 км к югу от III Полянского селища, у райцентра Ст. Майна Ульяновской обл. Судя по обряду и инвентарю, особенно по керамике, это был типичный могильник восточноевропейских сармат (Казаков, 1987, с. 114–119). Другой памятник – Тураевский могильник – содержал дружинные захоронения азиатских сармат, вынужденных укрываться на правобережье р. Камы. Обряд и вещевой материал, имеющий среднеазиатские и иранские аналогии, позволяет сопоставить этот памятник с древностями джетыясарской культуры Приаралья (Казаков, 2011, с. 9–10).

Следующий этап сарматской миграции относится к V–VI вв. н.э. В это время сюда проникают ближайшие южные соседи Закамья. В основном это были земледельцы, ведущие оседлый образ жизни. Хотя такие памятники изучены слабо, наличие характерных мисок позволяет связывать их носителей с восточноевропейскими сарматами (Сташенков, 2005, с. 69, рис. 9; с. 70, рис. 10).

Ряд именьковских поселений этого времени изучен в Восточном Закамье. Так, на Полянском I селище «Шихан» (Альметьевский р-н РТ) встречен ти-

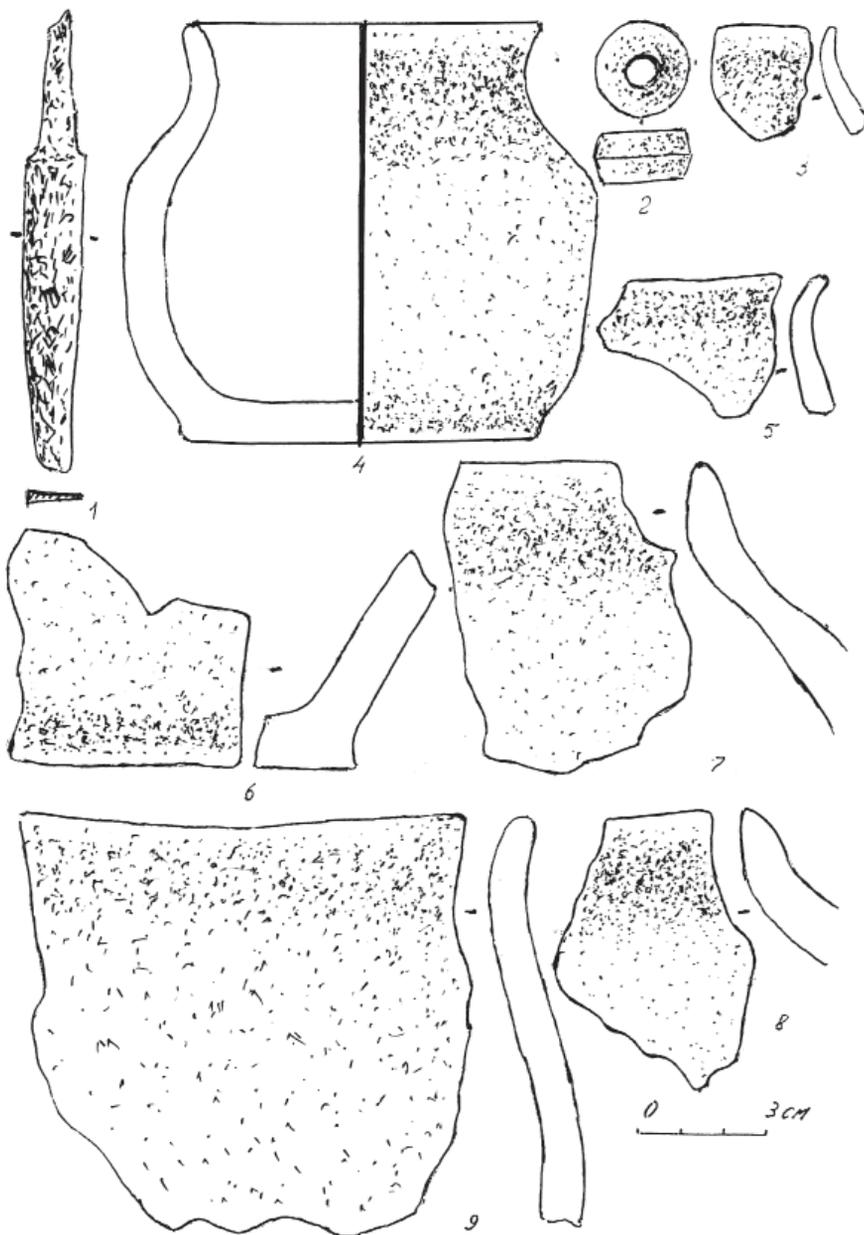

Рис. 10. Вещевой материал раскопа II Полянское III селища. 1 – железо, остальное керамика. 1 – уч. Б/2, гл. 40 см, 2 – уч. Б/1, гл. 40 см; 3 – уч. А/1, гл. 50 см (сосуд №1); 4 – уч. А/1, гл. 80 см (сосуда №4); 5–8 – яма 1(3); 9 – уч. Б/2, гл. 30 см (сосуда № 6); 5–8 – яма 1 (3), остальное жилище на раскопе II.

Fig. 10. Goods from dig II from Polyanskoe III settlement. 1 – iron, the rest is ceramics. 1 – sector Б/2, depth 40 cm, 2 – sector Б/1, depth 40 cm; 3 – sector А/1, depth 50 cm (vessel no. 1); 4 – sector А/1, depth 80 cm (vessel no. 4); 5–8 – pit 1(3); 9 – sector Б/2, depth 30 cm (vessel no. 6); 5–8 – pit 1 (3), the rest is from a dwelling from dig II.

пично сарматский сосуд с сосковидными налестками. В материале селища «Шихан» отмечены черты турбаслинской и именьковской культур (Казаков, Рафикова, 1999, с. 30–31).

Следующая мощная волна сарматских мигрантов в Закамье связана с глобальными военно-политическими событиями в Евразии, связанными с образованием Первого Тюркского каганата. В середине VI в. здесь появляются оседлые именьковские и полукочевые восточноевропейские и турбаслинские племена сармат¹. Их памятники особенно часто встречаются на надпойменных террасах богатых луговыми травами широких долин Камы и Волги. Здесь они оставили крупные некрополи с богатыми комплексами вещей (Казаков, 1998, с. 97–150). Они расположены всего в 40 км к северо-востоку от рассматриваемого поселения.

В 3 км к северо-востоку находится другая, так называемая маклашевская группа именьковских памятников, состоящая из городища и нескольких селищ (Старостин, 1967.) Все указывает на то, что пришлое именьковское население плотно заселило надпойменные террасы над долинами рек Камы, Волги и др.

Вопрос о времени существования подобных поселений сармат затруднен исключительной бедностью их датировочным материалом. Относительно Полянское III селище можно сказать, что оно связано с эпохой Западного Тюркского каганата. Именно в это время в Прикамье появляются новые группы сармат. Среди них за-

хоронения вождей с большим количеством изделий из драгоценных металлов (в числе их Коминтерновский II – Бураковский клад). Среди датированных элементов в Полянском III селище находится костяная обкладка лука сложного типа (рис. 3: 1). Такие предметы отмечены во многих памятниках VII в, в том числе в Новинковских древностях (Матвеева, 1997, с. 187, рис. 89: 4, 5).

Захоронения этого времени (с костями домашних животных, вооружением) изучены на поздней части Коминтерновского II могильника. Среди них захоронение 84 с характерными накладками сложного лука (Казаков, 2011, с. 33–34).

Во второй трети VII в. сарматское население Закамья было вытеснено племенами кушнаренковской культуры маняжского этапа (Казаков, 2011, с. 20).

Технологический анализ керамики Полянского III селища.

Технологический анализ керамики проводился в рамках историко-культурного направления, по методике, разработанной А.А. Бобринским (Бобринский, 1978). Исследование осуществлялось с помощью микроскопа МБС-10.

Целью анализа было изучение особенностей культурных традиций в гончарстве населения, оставившего Полянское III селище, и привлечение полученных данных для обсуждения вопросов историко-культурного характера. В силу фрагментированности материала доступными для изучения оказались прежде всего навыки отбора исходного сырья и составления формовочных масс.

Всего на анализ представлено 46 фрагментов керамики (обломки днищ,

¹ У авторов статьи разные точки зрения на этническую принадлежность именьковцев: с сарматами их связывает Е.П. Казаков.

венчиков и стенок). Ниже приведены данные технологического анализа, информация по днищам и венчикам дается отдельно по каждому, а стенки объединены в группы и по ним технологическая информация приводится суммарно. Чтобы избежать лишних повторов в тексте, даем некоторые пояснения, касающиеся отдельных деталей технологии: 1) глина пластичная – глина, в которой песок и иные естественные примеси присутствуют в очень небольшой концентрации; 2) глина средней пластичности (по исследованному материалу) содержит в своем составе очень мелкий песок в средней концентрации; 3) шамот крупный — старые, вышедшие из употребления сосуды, раздробленные до размеров более 2 мм; 4) навоз жвачных животных фиксировался по наличию включений и отпечатков растительности разных размеров со следами деформации в виде перекусывания (далее в тексте – навоз); 5) выжимка из навоза жвачных животных фиксировалась по наличию небольшого количества сильно измельченных (до 2–2,5 мм) включений растительности; 6) поскольку методика определения концентрации органики не разработана, ее определения в тесте примерные; 7) практически все сосуды, фрагменты которых анализировались, заглажены либо рукой гончара, либо кусочком ткани, а часто — сочетанием этих «инструментов».

Образец № 44 – фрагмент дна. Сосуд был изготовлен из смеси двух глин: ожелезненной и неожелезненной. Обе глины пластичные, смешивались во влажном состоянии. Основой служила ожелезненная глина с естественной примесью бурого железняка и мелких охристых включений. Неожелезнен-

ная глина выступала как добавка. Для составления формовочной массы в смесь глин добавляли крупный шамот в концентрации 1:4 и выжимку из навоза жвачных животных. Сосуды, пошедшие на изготовление шамота, сделаны из ожелезненной глины и из смеси двух глин; формовочная масса их составлена по рецепту шамот и органика. Частично шамот изготовлен из бракованных сосудов, что однозначно указывает на местный характер производства.

Судить о конструировании сосуда можно с большой долей вероятности: начин спирально-жгутовой, полое тело – кольцевой налеп.

Аналогичные навыки отбора исходного сырья и составления формовочных масс зафиксированы по образцам № 40 и 41.

Образец № 49 – фрагмент венчика. Изготовлен из пластичной ожелезненной глины с естественными включениями оолитового бурого железняка. В формовочную массу были введены крупный шамот и навоз жвачных животных, концентрация шамота 1:3, навоза – 1:4. Шамот изготовлен из ожелезненной глины, в который был введен навоз жвачных животных.

Образец № 36 – фрагмент венчика с насечками. Изготовлен из пластичной ожелезненной глины. В составе формовочной массы можно отметить крупный шамот в концентрации 1:3 и навоз жвачных животных в концентрации 1:5. Шамот изготовлен из ожелезненной глины, к которой добавлен навоз жвачных животных. Можно предположить спирально-лоскутный способ наращивания стенок (из коротких жгутов по спиралевидной траектории.).

Образец № 50 – фрагмент венчика. Изготовлен из смеси двух глин: основная – ожелезненная с естественными включениями охристого бурого железняка, вторая – нежелезненная с естественной примесью мелкого песка. В составе формовочной массы зафиксированы крупный шамот в концентрации 1:3 и выжимка. Шамот изготовлен из смеси двух глин с добавлением органики, на его изготовление использовали бракованные сосуды. Сам сосуд погиб в огне.

Образец № 51 – фрагмент венчика. Изготовлен из ожелезненной пластичной глины с естественной примесью пылевидного песка и оолитового бурого железняка. В составе формовочной массы зафиксирован крупный шамот в концентрации 1:3 и выжимка из навоза. Шамот изготовлен из ожелезненной глины, к которой в качестве примеси добавлена органика. Сосуд погиб в огне.

Образец № 54 – фрагмент днища. Изготовлен из ожелезненной глины средней пластичности. В формовочной массе зафиксирована искусственная примесь крупного шамота в концентрации 1:2 и навоза жвачных животных в концентрации 1:4. Сосуды, из которых сделан шамот, изготовлены из ожелезненной глины, к которой добавлены шамот и органика.

Образец № 57 – фрагмент донца. Изготовлен из ожелезненной пластичной глины с естественными включениями оолитового бурого железняка. В состав формовочной массы был введен крупный шамот в концентрации 1:3 и выжимка из навоза. Шамот изготовлен из ожелезненной глины с примесью шамота и органики.

Образец № 60 – фрагмент венчика. Изготовлен из пластичной ожелез-

ненной глины с примесью крупного шамота и навоза жвачных животных. Шамот изготовлен также из ожелезненной глины, но состав его формовочной массы зафиксировать не удалось. Сосуд погиб в огне.

Образец № 52 – фрагмент днища. Изготовлен из ожелезненной глины средней пластичности. В составе формовочной массы зафиксирован крупный шамот в концентрации 1:4 и навоз жвачных животных в концентрации 1:5. Шамот изготовлен из смеси двух глин, причем одна из них (скорее всего, нежелезненная) была сильно запесочена. Никаких других добавок в составе формовочной массы шамота проследить не удалось.

Образец № 65 – фрагмент дна. Изготовлен из смеси двух глин, основная – ожелезненная, высоко пластичная глина с естественными включениями оолитового бурого железняка, вторая глина – нежелезненная глина средней пластичности с большим содержанием песка. В состав формовочной массы сосуда введен крупный шамот в концентрации 1:5 и навоз в такой же концентрации. Шамот, скорее всего, из смеси ожелезненной и нежелезненной глин, других добавок не зафиксировано.

Образец № 59 – фрагмент венчика. Изготовлен из пластичной ожелезненной глины с примесью крупного шамота и выжимки из навоза. Шамот изготовлен из ожелезненной глины и из смеси двух глин (т.е. на шамот использовались два вида посуды). В составе формовочной массы шамота – шамот и органика. О конструировании можно говорить предположительно: спирально-лоскутный налп.

Образец № 53 – фрагмент днища. Изготовлен из глины средней

пластичности, ожелезненной с естественными включениями мелкого песка и оолитового бурого железняка. В состав формовочной массы введен крупный шамот в концентрации 1:6 и выжимка. Шамот – из ожелезненной глины. Никаких добавок в формовочной массе шамота не зафиксировано.

Образец № 67 – фрагмент венчика. Изготовлен из ожелезненной пластичной глины. В состав формовочной массы введен крупный шамот в концентрации 1:4 и выжимка из навоза. Шамот – из ожелезненной глины с искусственными включениями органики. Сосуд погиб в огне.

Образец № 34 – фрагмент дна. Изготовлен из пластичной ожелезненной глины с естественными включениями оолитового бурого железняка и охристых включений. В составе формовочной массы зафиксирован крупный шамот в концентрации 1:5 и выжимка. В составе формовочной массы шамота зафиксирована искусственная примесь органики.

Образец № 27 – фрагмент венчика. Изготовлен из ожелезненной глины средней пластичности с большим содержанием мелкого песка. В формовочную массу введены крупный шамот в концентрации 1:5 и выжимка. Сосуды, пошедшие на изготовление шамота, сделаны из глины того же состава с искусственным введением органической примеси.

Образец № 19 – фрагмент дна. Изготовлен из пластичной ожелезненной глины. В формовочной массе зафиксирована примесь крупного шамота в концентрации 1:3 и выжимки. Шамот изготовлен из двух разных видов сосудов: из ожелезненной глины и из смеси ожелезненной и неожелезнен-

ной глины. В составе шамота – также шамот и органика.

Образец № 29 – фрагмент дна. Изготовлен из пластичной ожелезненной глины с естественными включениями оолитового бурого железняка. В формовочной массе зафиксирована искусственная примесь крупного шамота в концентрации 1:4 и выжимки. Шамот изготовлен из ожелезненной глины с примесью шамота и органики.

Образец № 9 – фрагмент дна. Изготовлен из пластичной ожелезненной глины с естественными включениями оолитового бурого железняка. В составе формовочной массы зафиксирована примесь крупного шамота в концентрации 1:3 и выжимки. Шамот – из ожелезненной глины с примесью шамота и органики.

Фрагменты стенок. Как указывалось выше, рассматриваются суммарно, т.к. возможна их принадлежность к одним сосудам.

По особенностям исходного сырья и составов формовочных масс выделено три группы посуды:

I группа – сосуды, изготовленные из пластичной глины с естественным включением оолитового бурого железняка (образцы № 64, 55, 4, 6, 3, 7, 1, 2, 47, 59, 46, 43, 38). В качестве искусственной примеси отметим крупный шамот в концентрации 1:3–1:5 и органику (1:5–1:6). Причем органические примеси – это и навоз жвачных, и выжимка из навоза. В этих сосудах шамот в основном из ожелезненной глины, лишь в трех случаях (образцы № 38, 43, 46) зафиксировано два вида шамота: из ожелезненной глины и из смеси двух глин. В качестве искусственных добавок в формовочную

массу шамота можно отметить шамот и органику.

II группа – сосуды, изготовленные из глины средней пластичности с большим содержанием очень мелкого естественного песка и оолитового бурого железняка. Эти глины ожелезненные (образцы № 63, 56, 58, 5, 48, 45). В качестве примеси выступает крупный шамот в концентрации 1:3 – 1:6 и выжимка из навоза. Шамот в них изготовлен в основном из ожелезненной глины с примесью либо органики, либо шамота и органики (образцы № 48, 45). Лишь в образце № 45 зафиксирован шамот как из ожелезненной глины, так и из смеси двух глин.

III группа – сосуды, изготовленные из смеси двух глин: ожелезненной и нежелезненной (образцы № 62, 45 (1), 39, 37, 61, 42). Как правило, основная глина в них – ожелезненная, пластичная. Нежелезненная выступает в роли добавки, часто она с большим содержанием песка. В качестве искусственных добавок зафиксирован крупный шамот и выжимка из навоза. Концентрация шамота 1:4 – 1:5. Шамот изготовлен либо только из ожелезненной глины (образцы № 62, 45 (1), 39, 37), либо из ожелезненной и из смеси двух глин (образцы № 61 и 42). В качестве искусственной добавки в формовочную массу шамота введены шамот и органика.

Проведенный технологический анализ позволил выделить в составе керамического комплекса пять микрогрупп, соответствующих группам населения: 1) отбор ожелезненной пластичной глины, составление формовочной массы по рецепту шамот+навоз; 2) отбор ожелезненной пластичной глины, составление формовочной массы по рецепту шамот+выжимка из навоза; 3)

отбор ожелезненной средне пластичной глины, составление формовочной массы по рецепту шамот+навоз; 4) отбор ожелезненной средне пластичной глины, составление формовочной массы по рецепту шамот+выжимка из навоза; 5) составление глиняных концентратов из ожелезненной пластичной и нежелезненной глин, составление формовочной массы по рецепту шамот+выжимка из навоза (табл.1). Первые четыре группы полностью соответствуют технологии керамики, зафиксированной в целом по именьковской культуре (Салугина, 1987; 2014). Составление глиняных концентратов из смеси ожелезненной и нежелезненной глин не характерно для населения именьковской культуры. Это совершенно особая группа населения с устойчивыми технологическими традициями, на что указывает и состав шамота: на его изготовление дробили сосуды, сделанные также из смеси двух глин. Наличие данной группы керамики указывает на контакты с инокультурным населением. Эти контакты явно имели длительную историю, что отражается в особенностях технологии керамики. Так, в случаях, когда изучаемое население делало посуду из одной ожелезненной глины, в формовочную массу вводился шамот, на изготовление которого использовались сосуды, сделанные из смеси двух глин. Что это за группа населения в культурном отношении, предстоит выяснить. Но данные технологического анализа керамики Полянского III селища еще раз подтвердили тезис о смешанном составе населения, оставившего именьковскую культуру.

Таблица 1.

Соотношение навыков отбора исходного сырья и составов формовочных масс в керамике Полянского III селища

Составы формовочных масс	Навыки отбора и подготовки исходного сырья			Всего
	Ожелезненная глина, пластичная	Ожелезненная глина, средней пластичности	Глиняные смеси из ожелезненной и не ожелезненной глин	
ШЗ + Выжимка	11	7	11	29 – 63%
ШЗ + Навоз	14	3	–	17 – 37%
Всего	25 – 54,3%	10 – 21,7%	11 – 23,9%	46 – 100%

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Татарстана АССР. Западное Закамье – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. – С. 22–24.
2. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – Москва: Наука, 1978. – 272 с.
3. Казаков Е.П. Отчет о работах в зонах водохранилищ на территории Татарии в 1977 году. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1978 / Архив ИА РАН. – С. 36.
4. Казаков Е.П. Старомайнский II могильник // Археологические исследования в Среднем Поволжье. – Куйбышев, 1987. – С. 114–119.
5. Казаков Е.П. Турбаслинско-именьковские пятники Закамья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тез. док. – Самара, 1995. – С. 39–42.
6. Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи Тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). – Самара, 1998. – С. 97–150.
7. Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // Finno-Ugrica. – 2011. – № 12–13. – С. 8–39.
8. Казаков Е.П., Рафикова З.С. Очерки древней истории Восточного Закамья. – Альметьевск, 1999. – 119 с.
9. Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. – Самара: изд-во СамГУ, 1997. – 225 с.
10. Салугина Н.П. Технология гончарного производства населения Среднего Поволжья в эпоху раннего средневековья (по материалам именьковской культуры). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987. – 27 с.
11. Салугина Н.П. Особенности культурного состава населения Самарского Поволжья в первой половине I тыс. н.э. по данным технологического анализа керамики // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 15. – М., 2014. – С. 236–250.
12. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ. – Вып. Д 1-32. – М.: Наука, 1967. – 95 с.
13. Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н.э. – М., 2005. – 150 с.

Информация об авторах:

Казakov Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ncai@mail.ru

Салугина Наталья Петровна, кандидат исторических наук, доцент, Самарский государственный институт культуры (г. Самара, Российская Федерация); nsalug@gmail.com

**POLYANSKOE III SETTLEMENT
(ON THE ISSUE OF EXPLORATION OF THE LANDS ACROSS
THE KAMA RIVER BY THE IMENKOVO POPULATION)**

E.P. Kazakov, N.P. Salugina

The Imenkovo culture is one of the central topics in the medieval archaeology of Eastern Europe; this culture occupied a vast area from the Urals to Mordovia. Archaeologists admit that its bearers were strangers. However, its dating and ethnic-cultural belonging is still debatable. It was maintained for a while that this culture was brought into that region from the west, by the Slavs. The last decade brought new evidence on Imenkovo culture, including some rich necropolises (Kominternovskiy II, Izmerskiy IX) and settlements uncovered by the Early Bulgarian expedition in Tatarstan. The materials from Polyanskoe III settlement (Republic of Tatarstan) allow examining stages in exploration of the territories across the Kama River by this population during the Turkic Khaganates.

Keywords: archaeology, history, Volga-Ural Region, early Middle Ages, Imenkovo culture, time of Turkic Khaganates, Sarmatians, settlements, burial grounds.

REFERENCES

1. Starostin, P. N. (red.). 1986. *Arkheologicheskaya karta Tatarskoi ASSR. Zapadnoe Zakam'ye* (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Western Trans-Kama Region). Kazan: Institute of Language, Literature, and History Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 22–24 (in Russian).
2. Bobrinskiy, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya* (Pottery-making of Eastern Europe. Sources and Methods of Study). Moscow: "Nauka" Publ.
3. Kazakov, E. P. 1978. *Otchet o rabotakh v zonakh vodokhranilishch na territorii Tatarii v 1977 godu* (Report on the Fieldworks in the Area of Water Reservoirs in the Territory of Tatarstan in 1977). Kazan: Institute of Language, Literature, and History Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
4. Kazakov, E. P. 1987. In *Arkheologicheskie issledovaniya v Srednem Povolzh'e* (Archaeological Investigations in the Middle Volga Area). Kuybyshev, 114–119 (in Russian).
5. Kazakov, E. P. 1995. In *Kul'tury stepei Evrazii vtoroi poloviny I tysiacheletiya n. e.* (Steppe Cultures of Eurasia in the Second Half of the I Millennium AD), 39–42 (in Russian).
6. Kazakov, E. P. 1998. In *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiya n. e. (voprosy khronologii)* (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology)). Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 97–150 (in Russian).
7. Kazakov, E. P. 2011. In *Finno-Ugrica* 12–13, 8–39 (in Russian).
8. Kazakov, E. P., Rafikova, Z. S. 1999. *Ocherki drevnei istorii Vostochnogo Zakam'ya* (Essays on the Ancient History of the Eastern Trans-Kama Area). Almetyevsk (in Russian).

9. Matveeva, G. I. 1997. *Mogil'niki rannikh bolgar na Samarskoi Luke (Burial Grounds of the Early Bulgars on the Samara Bend)*. Samara: Samara State University (in Russian).
10. Salugina, N. P. 1987. *Tekhnologiya goncharnogo proizvodstva naseleniia Srednego Povolzh'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (po materialam imen'kovskoi kul'tury)*. (Technology of Pottery Production among the Population of the Middle Volga Region in the Early Middle Ages (based on the Imenkovo Culture Materials)). PhD Thesis. Moscow.
11. Salugina, N. P. 2014. In *Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors)* 15. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology, 236–250.
12. Starostin, P. N. 1967. *Pamiatniki imen'kovskoi kul'tury (Sites of the Imenkovo Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Stashenkov, D. A. 2005. *Osedloe naselenie Samarskogo lesostepnogo Povolzh'ia v I–V vekakh n.e. (Sedentary Population of the Samara Forest-steppe Volga Region in the 1st–5th Centuries AD)*. Moscow (in Russian).

About the Authors:

Kazakov Evgenii P., Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ncai@mail.ru

Salugina Natalya P., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Samara State Academy of Culture and Arts. Frunze St., 167, Samara, 443010, Russian Federation; nsalug@gmail.com